Газетная утка

Автор:
Наталья Никольская

Газетная утка

Наталья Никольская

Близнецы

Детектив Натальи Никольской из серии «Близнецы»

Наталья Никольская

Газетная «утка»

Глава первая. Смерть в летнюю ночь

Полина

Телефон зазвонил неожиданно, как это обычно и бывает. Чертыхнувшись, я вернулась к аппарату от входной двери, которую совсем уж собралась захлопнуть за собой. Ты на работу опаздываешь, а тут какому-то идиоту приспичило с тобой побеседовать с утра пораньше… Неужели Ольга проснулась ни свет ни заря?!

– Полина?! Как хорошо, что я тебя застала! – зачастил в трубке знакомый голос, но не сестры, а моей начальницы из спорткомплекса. – Ты там сидишь или стоишь? Лучше сядь: у меня сногсшибательные новости!

Вот уж что я не люблю, так это подобное начало разговора!

– Зоя Вячеславовна, а ты не могла дождаться моего прихода, чтобы их сообщить? Между прочим, у меня в десять индивидуальные занятия, а сейчас уже…

– Знаю, знаю, дорогая! По графику у тебя сегодня утром эта Лидочка Уткина, «мисс Тарасов» прошлого года. Потому-то я тебе и звоню домой. Занятий не будет, так что можешь не очень торопиться.

Я подумала, что Зоинька перегрелась по дороге на работу. Что, впрочем, немудрено: при тридцати-то градусах в семь утра!

– Что ты хочешь этим сказать, Зоя? Что в спорткомплексе одновременно отключили за неуплату воду и свет, а кабинеты и залы опечатала санэпидстанция? Или что кто-то из клиентов взял в заложники всю смену тренеров, требуя снижения почасовой оплаты?

– Типун тебе на язык, все шуточки шутишь! – вовсе не шуточно разозлилась Николаева. – Я только хотела тебе сказать, что Уткина не приедет на тренировку. Ее муженька вчера грохнули.

Я с размаху шлепнулась на табуретку, стоящую рядом с телефонной полочкой.

– Ка… как – грохнули? Стаса Уткина, нашу телезвезду?!

– А что, у твоей клиентки есть другой муж? Нет, мне, конечно, известна ее репутация, да и не только мне – всему Тарасову. Но, знаешь ли, все-таки штамп в паспорте есть штамп в паспорте!

Только теперь до меня стал доходить смысл того, что я услышала, и я обрушила на собеседницу шквал вопросов.

– Как это «грохнули»? Насмерть? Где, когда? Зоя, ты не шутишь?!

– Да какие тут шутки: все только об этом и болтают. И по телику, и по радио. Как же ты не слыхала, острячка?

– Господи, да мы с Ольгой вчера с дачи вернулись только в одиннадцать вечера! Без задних ног. Телефон я, конечно, сразу отключила. Да и сегодня едва продрала глаза – на час позже обычного. Какие уж тут радио с телевизором… Зоинька, расскажи, пожалуйста!

Только этой просьбы Зоинька и дожидалась: ее просто распирало от желания выболтать сенсационную новость тому единственному благодарному слушателю, который ее еще не знал. Правда, чем больше я слушала трескотню Николаевой, тем больше разочаровывалась: в средствах массовой информации этой самой информации было, прямо скажем, негусто. Сообщалось лишь, что Станислав Уткин – известный в Тарасове криминальный репортер, автор и ведущий популярной программы «Презумпция виновности» на местном телевидении, – был обнаружен мертвым на собственной даче в Усть-Кушуме вчера утром, в воскресенье. Милиция пока затрудняется выдвинуть свою версию случившегося, поскольку не имеет ни подозреваемых, ни даже уверенности в том, что там в действительности произошло убийство: на трупе не обнаружено никаких следов насильственной смерти. Единственное, что известно доподлинно, – что она, то есть смерть, наступила между пятью и шестью часами утра. Сегодня утром ведущая местных новостей с сожалением сообщила, что спустя сутки после гибели тележурналиста «из красного дома на улице Московской по-прежнему нет новостей». А значит, можно говорить о том, что «количество белых пятен в этом загадочном деле не только не сократилось, но, напротив, увеличилось».

– И это все? – протянула я разочарованно. – С чего же тогда они все взяли, что это убийство? Может, бедняга просто съел что-нибудь не то или – что гораздо вероятнее! – выпил? Может, у него сердце во сне остановилось? Хотя…

– Вот именно – «хотя»! – перебила Зоя. – Этот Уткин был абсолютно здоровый бугай: мне Леха Квасов, его бывший тренер, сказал. В свои сорок с гаком выглядел по меньшей мере лет на семь моложе, вот только килограммы набрал в последние год-два – как спорт забросил. Закладывал он, конечно, крепко, как вся эта публика, но чтобы нажираться до белой горячки – нет, такого за ним не замечалось. Правда, в репортажах проскользнуло, что накануне, в субботу, Стасик с кем-то выпивал, но, похоже, никто не склонен связывать это с его смертью.

– А вскрытие уже было?

– Ты спрашиваешь так, как будто я работаю в милиции! Между прочим, это твой «бывший» – следователь, я поэтому тебе и позвонила. Могла бы у него кое-что разузнать по-свойски… А, Поленька? Все-таки жена Уткина – твоя клиентка… Тут девчонки просто умирают от любопытства: такая странная смерть, ну просто очень странная!

– «Странная»… Смерть всегда странная штука, особенно для тех, за кем она является неожиданно. И это совсем не повод для праздного любопытства, Николаева! Но ты права: я, пожалуй, поговорю с Овсянниковым. Все-таки Лида Уткина – моя клиентка.

– Вот-вот, поговори! И как только что-то узнаешь…

– Не боись: тебе – первой. Так что там еще наплели журналисты? Какие версии выдвигают? Известны какие-нибудь подробности, есть ли свидетели? Давай, выкладывай все, что знаешь.

– Ой, вот чего-чего, а версий – хоть отбавляй! Ты же знаешь этих писак: им только палец покажи – они тебе все остальное дорисуют. Во-первых, делают недвусмысленные намеки, что Уткина убрала мафия. Мол, Стас своими репортажами прямо-таки не давал житья криминальному авторитету Лене Крысе, а в последнем выпуске своей программы недвусмысленно намекнул, что Крыса связан с большими шишками из правительства области. Говорилось, что честному журналисту неоднократно угрожали, а с полгода назад в качестве предупреждения даже сожгли его машину. Ну и так далее. Вот это одна версия, и если хочешь знать мое мнение, она очень смахивает на правду! Вообще-то я не очень высокого мнения о журналистах, ты знаешь, но этот парень на самом деле многим крутым в Тарасове перешел дорожку. Я все время смотрю его «Презумпцию виновности»… смотрела то есть, так он их там та-ак!.. Не слабо, одним словом. И ничего удивительного, что в конце концов это кому-то надоело, и Уткина заставили замолчать навсегда.

– Без признаков насильственной смерти? – недоверчиво хмыкнула я. – Ты сказала, это во-первых. Значит, есть и другие мнения?

– Ну-у… В порядке бреда, я бы сказала. Высказывались предположения об убийстве на бытовой почве и даже о причастности к смерти мужа нашей «мисс Тарасов».

– Лиды Уткиной?! Но это же действительно бред!

– Ну, если разобраться – не такой уж и бред, моя дорогая. Между прочим, твоя клиентка теперь богатая вдова: у Стаса осталась кое-какая недвижимость, какие-то акции… Словом, Лидочке будет теперь на что жить и чем оплачивать услуги косметологов, визажистов, массажистов и тренеров по шейпингу.

– Да она вроде и раньше не жаловалась на скупердяйство супруга!

– Да, но он все-таки, я думаю, контролировал ее расходы. А теперь ей не надо ни перед кем отчитываться! К тому же… – Зоя интимно понизила голос: – К тому же можно будет тратить денежки покойника в приятной компании. А при желании и сменить фамилию на более благозвучную! В самом деле: что такое Лида Уткина? Фи! Не звучит. Совсем другое дело – Лидия Светлогорская, например.

– Господи, Николаева! И охота тебе в чужом грязном белье копаться?! Хоть бы сейчас прикусила свой язык: все-таки у девчонки такое горе!

– Горе?! Не смеши меня, Снегирева! Разве ты не смотрела ее телеинтервью, когда она на полном серьезе щебетала о преимуществах свободного брака? И доказывала, что для женщины замужество – вовсе не повод ограничивать себя в проявлении «красивых чувств»… Видимо, она считает, что ее Эдик Светлогорский, этот плейбой из театра оперетты, – «красивое чувство». Боже мой, и что она только нашла в этом юнце, похожем на бабу? Не знаю, как Уткин все это терпел, он ведь был настоящий мужик…

Не знаю, как терпел Уткин, а мое терпение иссякло точно! Этот фонтан злословия можно было заткнуть только одним способом: вместе с телефонной трубкой.

– Зоинька, заинька, я тебе советую попытать счастья в шоу «По секрету всему свету». С твоим потрясающим талантом к сплетням будешь иметь грандиозный успех!

– Полина, какие сплетни, ты что?! Да я сама видела не раз и не два, как Светлогорский околачивался у нас в фойе, поджидая Уткину после тренировки, а потом они садились в ее машину и…

– Ладно, мы теряем время. Если ты думаешь, что мой «бывший» – не просто следователь, а старший следователь УВД, между прочим! – целыми днями сидит у себя в кабинете и ждет, когда я позвоню и стану выпытывать у него служебные секреты, то ты сильно ошибаешься! Его еще надо полдня ловить. К двенадцати буду. Пока!

Я пнула свой телефон так, словно это был не бессловесный аппарат, а круглая физиономия Зои Вячеславовны. Что за невыносимая баба! Да чтоб я сдохла, если проболтаюсь ей хоть словом про дело Стаса Уткина! Даже если мне удастся кое-что разузнать.

Да я вообще не подумаю звонить Жоре Овсянникову и приставать к нему с дурацкими расспросами. С какой стати?! Этот Стас Уткин мне не сват и не брат – никто. Я всего два или три раза видела по телевизору его гладкую морду. Господи, прости: нельзя так о покойниках! Я вообще не поклонница всех этих шоу с дебильными названиями, всяких там «полей чудес в стране дураков»! И с мадам Уткиной, «королевой красоты» местного розлива, я знакома всего-то два месяца – с тех пор, как Лидуся доверила нашему заведению заботы о ее драгоценной физической форме. И, если уж на то пошло, она мне никогда не нравилась: недалекая, капризная и жеманная особа. Изящно упакованная пустышка, которая носится со своей внешностью, как с писаной торбой, а в ней, если честно, ничего такого особенного нет!

Решив, что вопрос исчерпан, я решительно поднялась с табуретки и направилась в ванную. Раз уж судьбе было угодно сократить сегодня мой рабочий день на целых два часа, надо использовать этот подарок с максимальным эффектом. А что в такую жарищу может быть эффективнее контрастного душа?! Крр-расота…

Я еще не закрыла краны, когда сквозь шум воды ко мне прорвался еще один телефонный звонок. «К черту!» – решила я. Кому надо, позвонят еще. Но телефон не унимался: напротив, он трезвонил все требовательнее, с какой-то заливистой, истеричной ноткой.

Все ясно! Теперь она точно не отстанет, пока я не отвечу. Чертыхнувшись еще раз – уже по вполне конкретному адресу, – я обвязала мокрое тело полотенцем и кинулась в прихожую.

– Ольга, какого черта?!! – прорычала в трубку.

– Извольте полюбопытствовать, граждане и старухи: вот так она приветствует единственную сестру! – прозвучал на другом конце провода милый голосок Ольги Андреевны Снегиревой. Он был пронизан таким трагическим пафосом, что мне сразу стало смешно.

– И это вместо того, чтобы сказать: «Доброе утро, Оленька». Хотя, если рассудить трезво, никакое оно не доброе: такие дела кругом творятся…

– Вот видишь: ты сама себе ответила! Ну ладно уж: доброе утро… Оленька! Сколько раз тебе говорить: если я не подхожу к телефону – значит, не могу подойти! Значит, я занята! Значит, меня вообще нету дома, понимаешь? Не-ту!

– Как это «не-ту»?! Вот еще новости! Как нету, если я только что позвонила тебе на работу, и твоя надутая Зоя Вячеславовна сказала, что ты дома, и она только что сама с тобой разговаривала? Нету ее…

– Но ведь можно же перезвонить попозже, черт возьми? Ты меня из душа вытащила!

– Скажите, пожалуйста: из душа! Государственной важности дело, ничего не скажешь… Между прочим, у людей есть проблемы поважнее: такие дела творятся! – повторила Ольга с нажимом.

– И что ж за проблемы такие, что за дела?

– Ну-у… Во-первых, голова просто раскалывается после вчерашнего. Шутка ли: целый день на сорокаградусной жаре, на этих ужасных грядках, которые почему-то надо полоть… Говорила же я тебе, Полина, что у меня будет мигрень! Ну и вот, пожалуйте бриться: полночи глаз не сомкнула.

– Стоп, стоп! Если даже предположить, что мигрень тебя действительно мучает, то приключилась она с тобой не от грядок и не от сорокаградусной жары, а от сорокаградусного бальзама, которым ты пыталась «лечиться» в такое пекло! Если хочешь вернуться к жизни, то последуй моему примеру и отправляйся под душ. Контрастный душ – это, я тебе скажу, первейшее средство против мигрени,

сестренка. А также против лени и хандры, которыми ты маешься чаще, чем головной болью!

– Вот-вот! Плещешься как утка, в то время как родная сестра… Боже мой! – внезапно воскликнула родная сестра изменившимся голосом. – Ну конечно: Уткин! Как же я сразу-то забыла, что хотела тебе сказать, башка дырявая! Вот только когда про утку заговорила, то вспомнила. Стаса Уткина убили, ты знаешь?!

– Знаю, знаю. Ну и что с того?

Ольга Андреевна даже растерялась от возмущения.

– Ну, Полина!.. Ну, ты даешь! Это же… сенсация, вот это что! Пощечина общественному мнению! Еще один журналист в скорбном списке, а тебе плевать?! Мафия совсем обнаглела, а тебе хоть бы хны?! Да о каком правовом государстве может идти речь, если даже жизнь известного телеведущего ничего не стоит! Ты, Полина, ты… просто обыватель, вот ты кто!

Эта буря в стакане воды, однако, нисколько не поколебала мою самооценку.

– Браво, Ольга Андреевна! Вот это речь так речь! Слушай, хочешь бесплатный совет? Давай-ка мы тебя кандидатом в Думу выдвинем, трибун ты наш.

– Полина, прекрати! Я с тобой серьезно, а ты…

– И я с тобой серьезно. А что? Время еще есть: сейчас июль, а выборы в декабре. Дрюне Мурашову поручим возглавить инициативную группу по сбору подписей, я – так и быть! – согласна стать доверенным лицом кандидата. А как дойдет до встреч с избирателями и предвыборных митингов, то ты просто конкретно заткнешь за пояс всех «агитаторов, горланов-главарей»! Едва только запоешь о правовом государстве, как тебе зааплодирует право-центристский электорат, а начнешь обличать мафию – и тебе обеспечены голоса левых!

Несколько секунд в ухе у меня звучало зловещее сопение, потом послышалось:

– А знаешь что? Я согласна! Лучше уж в Думу, чем иметь дело с такой сестрой. Против Мурашова я, пожалуй, не возражаю: хоть и трепло, а все-таки свой человек. Но уж доверенное лицо… Как-нибудь без ваших услуг обойдемся, Полина Андреевна! Потому что я уверена: ты будешь сознательно подрывать мой имидж в глазах потенциальных избирателей!

Эта тирада была произнесена таким серьезно-уничтожающим тоном, что моя веселость куда-то улетучилась.

– Ладно, Ольга Андреевна, у нас еще будет время обсудить вашу предвыборную платформу. К твоему сведению, не такой уж я безнадежный обыватель. Против правового государства ничего не имею: только «за»! И я однозначно против того, что в этом государстве ни за что ни про что убивают людей. Но я также против, чтобы журналисты, депутаты или иные «священные коровы» в этом смысле имели какие-то преимущества перед прочими гражданами. А то почему-то, когда уборщице тете Маше в подъезде приставляют нож к горлу, или когда в какой-нибудь «горячей точке» ни за понюшку табака убивают сына рабочего и колхозницы, – твое «общественное мнение» это мало волнует! Но как только дадут в глаз какому-нибудь репортеру, хотя бы даже за дело, как тут же поднимается дружный вой: караул, это на свободу прессы замахнулись! На демократию покушаются!

Ольга пробубнила что-то насчет доминант массового сознания в постперестроечный период, но я даже не попыталась вникнуть в эту чушь: так своим гражданским монологом сама себя «раскочегарила».

– Так что мне без разницы, кто там сыграл в ящик – популярный телеведущий или кто другой. Это хреново, да, но только потому, что умер человек. Человек, понимаешь, а не священная корова! Если это убийство, то оно должно быть раскрыто – как и вообще любое преступление. И как честный налогоплательщик я надеюсь, очень надеюсь, что наши компетентные органы с этой задачей справятся…

– А ты знаешь, еще неизвестно, кто из нас больше достоин думской трибуны! – с оттенком обиды ввернула сестра.

– …Но если даже не справятся – я не собираюсь из-за этого посыпать голову пеплом или пикетировать управление внутренних дел с самодельным

плакатиком: «Убийц Стаса Уткина – к ответу!». И менять свой распорядок дня тоже не собираюсь, между прочим. Мне пора на работу собираться!

– Поленька, ну хоть с Жорой поговорить ты можешь? Это не идет вразрез с твоими гражданскими принципами?

Ага, Ольга решила сменить тактику: вместо кнута – пряник.

– Все-таки жена Уткина была твоей клиенткой, а не моей, дорогая, и если Овсянникову позвонишь ты, это будет вполне нормально, а если я…

– …То он в вежливой форме пошлет тебя подальше, – закончила я мысль. – И будет, кстати, абсолютно прав! Хорошо, я поговорю с Жорой. Похоже, у меня нет выбора! А теперь отвали: мне действительно надо в двенадцать быть в спорткомплексе. А у меня еще волосы мокрые!

– Отваливаю, отваливаю! Только ты обязательно позвони, как только разузнаешь подробности, хорошо? Сразу же позвони, Поля!

Я устало вздохнула.

– Не сумлевайся, золотко: тебе – первой. Да, кстати! Ты-то откуда узнала про Уткина? Телик у тебя второй месяц не пашет, а радио вообще никогда не было…

– Я-то?… Э-э…

На том конце провода наступило явное замешательство.

– А я… это… Мне Мурашов позвонил утром.

– Что-о?! Мурашов позвонил тебе… по телефону?

Это был фортель почище убийства Уткина! Дрюня Мурашов, в прошлом наш с Ольгой дворово-школьный товарищ, а в настоящем совершенно никчемный тип и периодический собутыльник моей сестренки, любил пользоваться услугами телефонной сети примерно так же, как услугами врача вендиспансера. Это был совершенно чуждый его духу способ общения. Впрочем, случалось, что Дрюне

приходилось прибегать как к первому, так и ко второму: не бывает правил без исключений.

– Ну, Поля, какая разница… Ну, не по телефону! В дверь позвонил.

– Ах, в дверь…

Кажется, я начинала понимать, почему у Ольги Андреевны так вибрирует голосок и почему ее эмоции так легко меняют свой знак: с «плюса» на «минус» и обратно!

– Значит, Дрюня заявился к тебе с утра пораньше единственно для того, чтобы рассказать о смерти какого-то там Уткина, который вам обоим, строго говоря, до фени? Я тебя правильно поняла?

– Ну, во-первых, не «какого-то»! Что бы ты там, Поля, ни говорила насчет «священных коров», Стас был в Тарасове человеком известным. Между прочим, он даже грант получил за нетрадиционное освещение криминальной тематики на периферийном телевидении. А во-вторых, что касается «до фени»… Если хочешь знать, Дрюня был знаком со Стасом. Вот!

– Знаком с Уткиным? Наш Дрюня Мурашов?! Не смеши меня!

– Ну, не то чтоб знаком – просто ему довелось как-то выручить Уткина на дороге. Ты же знаешь, что такое взаимовыручка у тех, кто за рулем? Святое дело! Ну вот, Дрюня остановился, чтобы толкнуть иномарку, оказалось – Стас Уткин. Он тогда даже визитку свою дал Мурашову. Визитку Дрюня, конечно, посеял, но фамилию Уткин запомнил, и всем растрепал, что «закорешился» с телезвездой. И когда сегодня утром услыхал по радио, что убили Стаса Уткина, так сразу закручинился, подрулил к ближайшему киоску и…

В трубке воцарилось напряженное молчание. Ольга поняла, что ляпнула лишнее, и теперь соображала, как выкрутиться.

– Что же ты остановилась, сестренка? Мне очень интересно, что было дальше!

– Поля, не иронизируй, пожалуйста! Ведь я же не виновата, что этот чертов киоск оказался рядом с моим домом! Клянусь, я его сразу же выставила – Дрюню, конечно, не киоск… Ну, буквально по наперстку выпили, клянусь! И вообще: ты только что говорила, что спешишь на работу, а сама учинила мне допрос с пристрастием!

– Эх, Ольга, Ольга… – Я испустила скорбный вздох.

– Нет, рано тебе еще в депутаты! Не пройдешь проверку Центризбиркома: вредные привычки, сомнительные связи…

И я бросила трубку на рычаг.

Эти две «любопытные Варвары» так достали меня со своим Стасом Уткиным, что я решила выдержать характер до конца. До конца дня, я имею в виду. А когда наконец позвонила Жоре Овсянникову, выяснилось, что мой бывший муж в командировке и будет только завтра. Так что я с чистой совестью выполнила привычный распорядок понедельника, стараясь не вспоминать больше о смерти журналиста. Только где-то очень, очень глубоко едва копошился «червячок» моего растревоженного гражданского самосознания, но я твердо решила держать его сегодня на голодном пайке.

После утреннего разговора Ольга позвонила мне всего только раз – на работу. А потом куда-то пропала. Я это объяснила для себя очень даже просто: разумеется, сестренка все-таки не выдержала и звякнула Жоре сама, ей тоже сказали, что майора Овсянникова сегодня не будет, – вот она от меня и отстала.

Хуже было с Зоей Вячеславовной. Уж эта точно не собиралась никуда исчезать и оставлять меня в покое – тоже. Она приставала ко мне насчет «подробностей убийства» так ретиво, как будто подозревала, что я сама его совершила. А когда я уходила домой, расстроилась настолько, что даже обозвала меня «заразой». В шутку, конечно.

Во мне теплилась надежда, что за ночь моя шефиня охладеет к делу Уткина, но я жестоко ошиблась! Едва лишь я утром во вторник переступила порог кабинета, как Николаева шлепнула передо мной на стол сложенный вчетверо газетный лист. Вид у нее при этом был такой, словно то был приговор суда, подписанный

и заверенный большой печатью. «Смерть барабанщика. Кому она была выгодна?» – прочла я крупный, броский заголовок.

– Что это?

– То, о чем мы с тобой вчера говорили. Версии, факты, мотивы – в общем, доказательства. Сенсация, Полина! После этой статьи, я считаю, милиции больше делать нечего: иди и арестовывай преступников. Это же Бабанский пишет, а он был другом Уткина, знает всю подноготную. Только ведь наша милиция – ты меня, конечно, извини, дорогая! – она же вся повязана мафией. Так неужели они станут возбуждать дело против чиновников из «белого дома»? Это просто смешно!

– Погоди, погоди… – Я наскоро просматривала статью.

– Одного не понимаю: почему этот Артем Бабанский называет Уткина «барабанщиком»? В том смысле, что его приятель был стукачом, что ли?

– Ну, Снегирева! Только ты могла сказануть такую чушь. Все дело в заставке программы «Презумпция виновности». Разве ты не помнишь? Там на фоне этой слепой бабы с весами – она богиня правосудия, что ли? – появлялся сам Стас с барабаном. Ну, вроде он барабанным боем созывает общество на борьбу с преступностью. Образ такой! Врубилась?

– С трудом! – честно призналась я. – Фемида, барабан… Хм! Театральщина какая-то. Разоблачать преступников надо фактами, а не барабанными палочками.

– Ах вот как? Ну, поглядим, как твоя милиция управится с фактами! – едко ввернула Николаева. – Руку даю на отсечение: будет еще одно нераскрытое дело, очередной «висяк».

Как в случае с Владом Листьевым или Димой Холодовым.

– Смотри, Зоинька, заинька: без руки останешься! Чем тогда бабки загребать будешь? – хохотнула я, вставая. – Ладно, по коням: пора переодеваться. Статейку мне оставишь? На досуге еще погляжу.

– Па-ажалуйста! Можешь даже своему Жоре показать: пусть поучится, как надо проводить расследование. Только потом отдай, слышишь?

Я еле удержалась, чтобы не высказать Зое Вячеславовне все, что я в эту минуту о ней думала. А думала я, что никакая она не «заинька», а змеюка гремучая. Походя хает нашу милицию и считает себя самой умной, а сама даже не знает, как зовут «слепую бабу с весами»! Грамотейка с незаконченным средним образованием… Не то чтоб я очень обиделась за Овсянникова и его «контору» – нет, конечно… А впрочем – да, обиделась! В адрес моего бывшего муженька можно, конечно, наговорить не то что пару «ласковых», а намного больше – только в плане, так сказать, личном. Но как профессионал он всегда на высоте. Что есть, то есть!

Разумеется, в передовице из сегодняшнего номера газеты «Тарасов», которую я внимательно перечитала еще два раза, не было даже близко ничего такого, чему Жора мог бы позавидовать. Все это – или почти все – я уже слышала вчера в авторской интерпретации Зои Николаевой. В трех длинных колонках текста на самом деле были свалены в кучу множество версий, но… Даже ползая по этой «куче» с лупой, нельзя было обнаружить ни одного доказательства – как самого факта убийства, так и причастности к нему лиц, на которых намекал автор публикации. Ни единого! Артем Бабанский, обозреватель «Тарасова», заменил доказательства цветистыми фразами, скорбными эпитафиями в адрес своего «честного и талантливого» друга и проклятиями убийцам, «которых мы все знаем в лицо». Правда, по имени ни одного из них журналист не назвал.

И все-таки кое-что интересное в этой пустопорожней статейке имелось. Настолько интересное, что оно, пожалуй, стоило всех прочих версий «тарасовского» обозревателя, вместе взятых! Газетчик утверждал, что Стаса Уткина могли убить из-за видеокассеты с рабочими материалами новых сенсационных разоблачений. Что это за кассета, с чем ее едят, Бабанскому не было известно, однако он уверял, «бомба» существует и находится в каком-то «надежном месте». Якобы об этом ему рассказал сам Уткин за день до смерти.

«Впрочем, – предполагал автор статьи, – вполне возможно, что „надежное место“ только казалось моему другу надежным, и теперь его последний неопубликованный репортаж находится в руках тех, кто убил журналиста? Или тех, кто заказал это убийство, – все равно! Если это так, то мы уже никогда не увидим эти кадры, которые стоили Стасу жизни, не узнаем, что хотел нам рассказать этот отчаянный парень, который своим главным долгом считал

говорить людям правду с экрана, будить их совесть тревожной дробью своего барабана…» Ну, и так далее, и тому подобное.

Равнодушно выпуская колечки ароматного дыма, я читала про сожженную «подонками» машину журналиста, про его «не сложившуюся» семейную жизнь с «мисс Тарасов», про ветвистые рога, украшавшие не по годам лысеющую голову телезвезды… Ни один из этих фактов – кроме уже упомянутой кассеты – не разбудил мою совесть «тревожной дробью барабана». И все же – в перерывах между сигаретами – в моем блокноте для деловых записей появились несколько крупных размашистых строчек с вопросами и восклицаниями. Я делала эти пометки единственно из привычки доводить любое дело до конца, до полной ясности.

По этой же самой причине я снова набрала телефон следственного отдела УВД – и опять безрезультатно. Только теперь мне отвечали, что майор Овсянников на выезде. Черт бы его побрал, из-за него я никогда не отвяжусь от Николаевой! Странно только, что Ольга не напоминает о себе: это на нее совершенно не похоже…

– Привет! – услышала я над самым ухом. – А я вот решила тебе напомнить о своем существовании: иначе ты совсем забудешь, что у тебя есть родная сестра!

– Как же: забудешь тут… Ты к нам какими судьбами?

– Попутным ветром, Поленька. Можно даже сказать, ветром перемен!

Вид у Ольги Андреевны был точь-в-точь как когда-то давным-давно, когда она не то в пятом, не то в шестом классе выиграла десять рублей в книжную лотерею – помните, на всех углах стояли такие маленькие прозрачные барабанчики?

– Каким еще ветром, каких перемен?! Черт знает что… Могла бы, кстати, и позвонить предварительно, знаешь ведь, что на работе у меня напряженка со временем.

– Угу, я и вижу! – Ольга Андреевна окинула скептическим взглядом лежащую передо мной «сенсацию». – Газетки почитываешь? Ну-ну! Это кстати – «Смерть барабанщика».

– Почему это?

– Да потому, что я нашла клиента! – выпалила сестра.

– Вернее, клиентку. Меня попросили… Ну, то есть, конечно, нас с тобой попросили разобраться с этим дельцем.

– Каким еще дельцем?! Ты опять, что ли, с утра от мигрени лечилась? – разозлилась я. Но Ольга с чувством глубокого превосходства в голосе возразила:

– Свой тренерский юмор можешь оставить при себе. Ты меня прекрасно поняла: я говорю про убийство Стаса Уткина. Если мы его раскроем раньше милиции, то нам заплатят кучу денег. Учитывая черепашью скорость, с которой продвигается официальное расследование, сделать это будет не так уж сложно. Как ты думаешь?

Глава вторая. Два товарища, третий в уме…

Ольга

Видя, что сестра не собирается высказывать свое мнение, а только обалдело хлопает длинными ресницами, я картинно уселась на стул по другую сторону от ее стола, закинула ногу на ногу и переспросила с нажимом:

– Так что ты думаешь по этому поводу, Полина? Кстати, твоя вонючая сигарета совсем догорела, ты сейчас обожжешь себе пальцы!

Это было своевременное предупреждение… Вернее, оно самую малость опоздало: чертыхнувшись, Полина Андреевна швырнула дымящийся «бычок» в пепельницу и устремила на меня взгляд, «черной молнии подобный». Как будто это я была причиной ее неловкости!

– Что я думаю по этому поводу? Я тебе уже сказала: думаю, что ты, моя дорогая, уже приложилась с утра пораньше к бутылочке, и потому явилась сюда рассказывать мне сказки!

Нахалка демонстративно втянула носом воздух, и я инстинктивно отпрянула, собираясь возмутиться по полной программе. Но Полина не дала мне и рта раскрыть!

– Только не говори мне, что какой-то идиот собирается заплатить тебе за убийство Уткина… Тьфу ты, черт: за расследование убийства!

Я вскочила со стула.

– Знаешь что?! Я пришла сюда по делу, а не выслушивать твои беспочвенные оскорбления! Если даже от меня пахнет коньяком, то это еще не причина, чтоб хамить родной сестре! Может, эти пятьдесят… ну, сто грамм! – может, они мне были необходимы для заключения выгодного соглашения? Может, я выпила с будущей клиенткой, чтобы… Эх, да ладно, что с тобой говорить! Если тебя это не интересует, я ухожу.

И я, крутанувшись на каблуках, направилась к выходу с гордо поднятой головой. Не очень, правда, быстро направилась…

– Э-эй! – донеслось до меня неуверенное.

Ага! Расчет оказался верен. Шалите, Полина Андреевна: ваша сестра не собирается так быстро сдаваться! Особенно после того, что вы ей только что тут наговорили…

Я не обернулась – лишь чуть-чуть замедлила шаг.

– Что такое?

– Да я… это… О какой клиентке ты говоришь?

– Забудь об этом. Я вижу, ты сейчас не расположена говорить о делах. – И я сделала еще одно движение по направлению к двери.

Полина тоже выскочила из-за стола.

– Нет уж, ты погоди, погоди! Сказала «А» – говори теперь и «Б». Пока все не расскажешь, я тебя никуда не отпущу!

– Да я и спрашиваться у тебя не буду: уйду, да и все. Не собираюсь я с тобой разговаривать, пока не извинишься за свое безобразное поведение!

– Ты подбирай выражения: «безобразное»! – взорвалась было по своему обыкновению Полина, однако тут же угасла. У нее просто не было другого выхода, и она это отлично понимала.

– Ну ладно тебе дуться… Извини! – донеслось до моих ушей.

– Не слышу в твоем голосе искреннего раскаяния!

– Ну, знаешь!.. Хорошо: Оля, извини меня, пожалуйста! Хотя черт меня побери, если я знаю – за что… А теперь рассказывай!

Приятно все-таки чувствовать себя победительницей! Только после того, как Полина Андреевна окончательно смирилась, я сменила гнев на милость и рассказала ей все. Ну, почти все – с некоторыми несущественными купюрами. А дело было так. Вчера утром, когда добрый старый Дрюня Мурашов явился ко мне с дурной вестью и со «смягчающим обстоятельством» в пол-литровой таре… Впрочем, нет: тут-то я как раз и сделала купюру, и… хватит об этом! Вчера утром, когда я поговорила с Полиной по телефону о загадочно0 м убийстве Стаса Уткина, моего любимого телеведущего и репортера, и, как всегда, не нашла взаимопонимания, – я не выдержала и позвонила Жоре Овсянникову сама. Однако меня ожидало фиаско: майор оказался в командировке аж до вторника. Столь долгого бездействия я вынести не могла, и кинулась названивать своим знакомым, которые могли знать что-нибудь сверх того, что мне наболтал Дрюня. Ну, если не знать – так хотя бы разделить мою обеспокоенность катастрофическим ростом преступности, добравшейся своей грязной рукой уже и до «четвертой власти»!

На удивление, большинство моих знакомых отнеслись к воскресной сенсации довольно прохладно. Я была неприятно поражена тем, что, оказывается, не одна моя сестрица больна социальной болезнью под названием «дофенизм»! Все, буквально все восприняли новость совершенно равнодушно.

Наконец, после пяти или шести бестолковых звонков, от которых у меня только разболелась голова – видимо, паршивец Дрюня напоил фальсифицированной водкой! – меня осенило. Танечка Арбатова! Вот кто сейчас сможет ответить на все мои «как» и «почему».

Однако воодушевление мое очень быстро сменилось жестоким разочарованием, когда, перевернув всю квартиру вверх дном, я так и не смогла отыскать визитку с телефонами главного редактора «Тарасовских вестей». А ведь я точно помнила: Таня вручила мне свою карточку, когда мы пару недель назад случайно встретились с ней на праздновании юбилея торгово-промышленной палаты! Кирилл Козаков, мой бывший муж и сегодняшний преуспевающий бизнесмен – злые языки вроде Полининого склонны увязывать между собой эти два события причинно-следственной связью, – так вот, Кирилл по старой памяти пригласил меня составить ему компанию, а Таня Арбатова была там с… Впрочем, это совершенно не важно, с кем она там была. Главное – что мы встретились после долгого перерыва и, вопреки моим ожиданиям, очень мило пообщались.

С тех пор, как эта шикарная тридцатипятилетняя женщина – тогда еще никакой не главный редактор, а просто журналистка, хотя не без имени, – консультировалась со мной по поводу развода со вторым мужем, прошло уже больше трех лет. Сначала мы изредка перезванивались, потом все реже, а после и вовсе потеряли друг друга. Вернее, потеряла она меня, потому что я даже против воли имела возможность следить за карьерой бывшей клиентки. Татьяна стала часто мелькать на экране, причем не только в роли интервьюера, но и наоборот: теперь интервью брали у нее. За ней бегали с телекамерами, снимали на работе – в громадном редакторском кабинете с итальянской офисной мебелью, в кругу семьи – в новой квартире в трех уровнях в суперэлитном домике на набережной, на природе – на фоне уютного костерка с балычком и коньячком, с роскошной серебристо-синей «вольво» и сытыми харями охранников на заднем плане.

Все те же злые языки утверждали, что причину столь головокружительного взлета надо искать вовсе не в журналистских талантах Арбатовой, а совсем в других, и мне как ее бывшему психоаналитику, честно говоря, было нечего возразить. Но… Какое все это, в самом деле, имеет значение? Для нашей теперешней истории – ровным счетом никакого!

Итак, за прошедшие три года Таня Арбатова успела сделать карьеру, какая ее коллегам и не снилась, а я – услышать о своей бывшей клиентке множество

нелицеприятных отзывов от самых разных людей. Я была уверена, что теперь при встрече она меня даже не узнает, однако, повторяю, ошиблась. Татьяна Михайловна не только узнала, но даже подошла ко мне на приеме, перекинулась несколькими любезными фразами и предложила звонить ей «по старой памяти в любое время», подкрепив предложение великолепной – черной с золотым тиснением – визиткой. Помню, я опустила ее в свою театральную сумочку, расшитую бисером и стразами, но вот куда она девалась после?! Я имею в виду – вместе с сумочкой…

Конечно, я не стала рассказывать Полине, как битый час искала эту чертову сумку и как наконец нашла ее в дальнем углу антресолей в коробке из-под давным-давно сношенных сапог, но… без арбатовской визитки! И как после этого очередного прокола мне в голову пришла простая до гениальности мысль: зачем искать визитку, если можно просто заглянуть в газету – ведь там, на последней страничке, печатаются все редакционные телефоны?! Но как оказалось, в моей квартире найти хотя бы одну газету проблематично.

Наконец, я все же обнаружила одну, и даже не очень старую – всего-навсего трехмесячной давности. Но только редакторского телефона в ней не было! Да и вообще никаких телефонов, кроме рекламной службы и отдела писем. Видимо, мадам Арбатову куда как устраивало такое положение, при котором она сама вручала свои визитки кому считала нужным. И могла не беспокоиться, что вдруг позвонит какой-нибудь скандальный старичок со своей пустяковой проблемой – вроде протекающей крыши или дороговизны лекарств.

С отделом писем я только зря потеряла время: там никто и не подумал рассекретить перед никому не известной просительницей телефон редакторши. Когда я стала настаивать, какая-то юная нахалка просто положила трубку.

Наученная горьким опытом, к рекламной службе я решила подкатиться иначе. Небрежно поздоровавшись с пареньком, который мне ответил, я лениво-покровительственным тоном сообщила, что «с вами говорят из торгово-промышленной палаты» – ничего умнее в голову не пришло. Мол, мне срочно требуется Татьяна Михайловна, однако я «куда-то задевала ее визитку». «Подскажите телефончик, пожалуйста», – закончила я требованием, не подразумевающим отказа, и мальчик безропотно продиктовал мне комбинацию из шести цифр. Я тут же набрала ее – и оказалась один на один с секретаршей, которая бесстрастно изрекла, что «Татьяны Михайловны нет и сегодня уже не будет».

После всех телефонных перипетий этого самого «сегодня» я ожидала чего угодно – но только не этого! Обескураженная, я даже не ответила на традиционные в таких случаях вопросы секретарши – кто звонит и что передать? Просто уронила трубку на рычаг и тут же кинулась в кухню – взглянуть на единственный «ходячий» будильник. Он показывал двадцать минут пятого. С учетом того, что этот «инвалид» отстает минимум на полчаса…

Господи, какой ужас! Как глупо, бестолково прошел день! От отчаяния – от чего ж еще?! – я выхватила из потайного уголка буфета свой «эн-зэ»: бутылочку армянского пятизвездочного, еще примерно на треть полную, и…

Когда густое ароматное «лекарство» обожгло горло благодатным теплом, и в голове немного прояснилось, я подумала, что, пожалуй, все же стоило бы передать кое-что Татьяне Михайловне, и снова набрала номер, на поиски которого убила весь этот несчастливый понедельник. Но секретарши, разумеется, уже след простыл. Вместо нее я услышала механический голос автоответчика: «После сигнала оставьте свое сообщение…»

Что было делать?! Я пробормотала несколько слов – и тут же, едва положив трубку, пожалела об этом. Святая простота! Неужели ты вправду думаешь, что великая Таня Арбатова станет сама тебе звонить? И зачем?! Чтобы обсудить последние криминальные новости и сплетни… Дурочка ты, Ольга, наивная дурочка! К тому же теперь, после своей дурацкой телефонограммы, ты и сама не сможешь перезвонить ей утром: это будет выглядеть навязчиво. Да просто глупо!

На следующее утро – то есть сегодня – меня разбудил телефонный звонок. Нащупывая трубку с закрытыми глазами, я уже подыскивала среди известных мне слов самые нецензурные, чтобы дать гневную отповедь Полине Андреевне, которой вздумалось контролировать меня в такую рань. Но…

– Ольга? Это ты? – услышала я в трубке приятный грудной голос, который спросонья показался мне совсем незнакомым. – Привет, это Арбатова.

– Ар…батова?!.

Проклятый коньячок подвел в самый неподходящий момент, и в ответной реплике главной редакторши мне почудилось настоящее сомнение.

– Это в самом деле ты, Снегирева? С тобой все в порядке?

– Конечно, Татьяна Мих…айловна! Просто я еще не вполне проснулась, извини. Спасибо, что нашла время и позвонила. Я очень рада тебя слышать!

– Я тоже рада тебя слышать, Ольга… Андреевна, кажется? Впрочем, мы с тобой, я думаю, по старой памяти обойдемся без отчеств. Не возражаешь?

– Что ты, Танечка! Главное, чтоб ты не возражала. Ты же нынче так высоко взлетела! А я кем была, тем и осталась.

Разве что годы прибавились, да проблемы…

– Ах, брось ты, пожалуйста! – отмахнулась собеседница. – Какие твои годы, ты ж вон на сколько моложе меня! А проблемы… У кого их нынче нет!

– Это точно. Только ведь, знаешь, как говорят: у кого суп жидок, а у кого – жемчуг мелок…

Вздох, прозвучавший в трубке, подтвердил, что Татьяна Михайловна еще в состоянии уразуметь голодного с его жидким супом. Она вообще была сама любезность!

– Да, Оленька, такая жизнь… Ты не думай, что мне очень легко на моем месте! Я знаю, обо мне много всякого болтают. «Высоко взлетела»… Какое там высоко, знал бы кто, какою ценой все это… Ладно, что это я! – неожиданно оборвала она сама себя. – Действительно, я очень рада случаю вот так по-свойски с тобой поболтать! Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло… Ты ведь мне позвонила вчера из-за Стасика Уткина, да?

– Да, Танечка! Понимаешь, меня так взволновала его смерть… Он был моим любимым ведущим, понимаешь?

– Конечно, конечно! Мы все любили Стаса, Оля. Он был отличный журналист, талантливый ведущий и… просто славный малый. Ах, это так ужасно!

Голос Арбатовой предательски дрогнул.

– Таня, ты меня, конечно, извини… – Я рискнула нарушить молчание первая. – Никакого конкретного дела у меня к тебе нет, я просто подумала: может, вам, журналистам, известны какие-нибудь новые подробности – ну, кроме тех, которые были в эфире? У меня-то самой телевизор не работает, но мне кое-что рассказали. По-моему, абсолютно никакой конкретики: какой-то скудный набор противоречивых данных и взаимоисключающих версий! Поди разберись, где тут факты, а где домыслы твоих коллег… Даже причина смерти – и та не ясна!

Я понимаю, момент сейчас не слишком подходящий для праздного любопытства, но…

– Что ты! Это никакое не праздное любопытство, я понимаю. Только… Вопрос твой не по адресу, Оля. Я знаю не больше, чем ты и все остальные. Только то, что уже озвучено и опубликовано. Кстати: насчет взаимоисключающих версий. Сегодня «Тарасов» разразился статьей Бабанского – ты еще не видела? Ах да, ты же сказала, что только проснулась… Так вот: он там свалил все в одну кучу, смешал праведное с грешным. Приплел какую-то кассету, которую никто в глаза не видел, – некую «бомбу замедленного действия»…

– Кассету? Какую кассету?

– А вот этого никто не знает, кроме самого Бабанского! Якобы Стас отснял какие-то никому не известные разоблачительные материалы, из-за которых его могли убить… А, ерунда все это! Абсолютно бездоказательная, ничем не подкрепленная версия.

– Но почему ты так уверена? Мне, например, подобный мотив убийства кажется очень правдоподобным!

– Да потому, что не один Тема Бабанский был другом Уткина! Мы с ним, например, тоже были в свое время не чужие, ты, наверное, помнишь… – Татьяна интимно понизила голос.

– И до сих пор оставались хорошими товарищами, так что, я думаю, будь что – Стасик обязательно со мной поделился бы. А у этого Бабанского, если хочешь знать мое мнение, вообще сомнительная репутация! Пишет хлестко, но на руку не чист. – В смысле – взяточник? – Меня передернуло от отвращения.

– Взяточник?! Ну, ты даешь, Снегирева!

Собеседница звонко рассмеялась.

– Может, он и брал бы, если б кто-нибудь давал, да только кто нынче даст журналисту?! Раньше, в обкомовские-то времена, хоть книжку, бывало, преподнесут или мясца в колхозе отвалят, когда в командировки ездили, а теперь… Догонят и еще добавят – вот и все наши «взятки»! Нет, Оля, я совсем про другое. У нас, журналистов, «не чист на руку» означает, что человек пользуется непроверенной информацией. Профессионально недобросовестен! Короче говоря, соврет – недорого возьмет. Вообще, странный он тип, Бабанский. Странный и скользкий! Но Стасик его любил, – вздохнула Арбатова. – Они дружили еще с университета: мне Стас рассказывал. Их было три друга, однокурсника. Только потом дорожки разошлись…

– А кто же третий?

– Женька Кольцов. До перестройки спокойно работал себе в заводской многотиражке, а сейчас… Да ладно, Оль, он тут ни при чем! Мы с тобой отвлеклись от главной темы.

Я сделала еще одну «заметку на полях»: эту фамилию, которую я слышала впервые, Татьяна Михайловна произнесла с такой же «теплотой» в голосе, как и имя недружественного СМИ. Мне очень хотелось выяснить, кто такой Женька Кольцов сейчас, но Арбатова дала понять, что не считает эту тему главной, а потому я не рискнула настаивать.

– Тань, но за что же тогда убили Уткина, если не за кассету? Ты-то сама как думаешь?

Когда Арбатова заговорила, голос ее зазвучал несколько иначе, чем до сих пор: я сразу вспомнила, что разговариваю не просто со старой знакомой, но с большой начальницей.

– Я ничего не думаю, Оленька. Ведь я тебе уже сказала: я знаю не больше твоего! Я даже не уверена, что это убийство – как и милиция, впрочем. Известно лишь то, что Стас мертв и что причина смерти до сих пор не установлена. В этой ситуации, честно говоря, мне хочется оперировать не догадками, а фактами. И я хотела бы, Ольга…

Татьяна Михайловна выдержала эффектную паузу.

– Я бы хотела, чтоб именно ты помогла мне раздобыть эти самые факты!

Я подумала, что ослышалась.

– Я? Ты шутишь!

– Нисколько. Потому я тебе и позвонила.

– Но что я могу… Постой: а разве ты позвонила не из-за того, что я оставила слезную просьбу на твоем автоответчике?

– Конечно, из-за этого тоже, хотя… Честно говоря, если мне куда и хотелось позвонить, прослушав твою «слезную просьбу», так это в милицию! Ты хоть помнишь, что наговорила моему аппарату?

– Н-ну, в общих чертах… А при чем тут милиция?

– Ладно, я тебе потом объясню, – хмыкнула Арбатова.

– Так вот, когда я узнала, что ты мне звонила, мне пришла одна любопытная мысль. Вернее, я вспомнила, как некоторое время назад в одной компании один весьма уважаемый в городе человек упомянул о том, что однажды его очень выручили две «сыщицы-любительницы» – он так выразился. Помогли вернуть уникальную коллекцию старинных монет, украденную много лет назад. Тебе это ни о чем не напоминает?

Боже мой, конечно же, мне это о многом напоминало! Распираемая гордостью, я скромно хихикнула:

– Ах, вот ты о чем… Ну, то была целиком Полинина инициатива!

– Да, профессор Караевский говорил в основном о твоей сестре, хотя фамилию не называл – только имя. Но я-то помню, что вы с Полиной всегда были неразлучны! Хотя и пикировались по каждому пустяку… Интересно, сейчас тоже?

– Еще больше, чем раньше! – честно призналась я.

– Впрочем, это вам никогда не мешало в конце концов находить общий язык. Еще я помню, как ты сама говорила мне о своей склонности ко всяким запутанным историям. И о том, что вы с сестрой иногда… ну, как бы это выразиться? Ненавязчиво помогаете правосудию, что ли.

Хорошую она нашла формулировочку: «ненавязчиво помогаете правосудию»!

– Вот я и подумала: а почему бы вам с Полиной не попробовать разобраться в том, что произошло со Стасом? Как ты на это смотришь?

Трудно передать словами чувства, захлестнувшие меня с головой: с одной стороны – телячий восторг, с другой – смятение и ужас перед серьезным, настоящим делом об убийстве… В конце концов, когда пауза непростительно затянулась, я глупо брякнула то, что, кажется, уже говорила:

– Ты это серьезно, Арбатова?

– Послушай, Ольга…

В голосе Танечки зазвенел такой металл, что я изумилась: такого от нее еще не слышала!

– Ты думаешь, что у меня есть время на пустую болтовню? Что я могу позволить себе полчаса трепаться со старой подружкой о пустяках без всякой цели? Значит, ты сильно ошибаешься! Я деловая женщина, Снегирева, мое время – деньги. Если я тебе позвонила прямо с утра, в рабочее время, – значит, у меня есть к тебе вполне конкретное предложение. А принять его или нет – дело твое! Я понятно излагаю?

Так вот, значит, она – настоящая Таня Арбатова! Милая Танечка, «старая подружка»… Лежа в постели с телефонной трубкой возле уха, я чувствовала, как это самое ухо горит огнем – будто мне плюнули в лицо. А я-то, дура, поверила, что эта мадам в самом деле рада «вот так по-свойски» со мной поболтать!

– Вот теперь понятно, – выдавила я через силу. – Приношу вам свои извинения, Татьяна Михайловна: отняла у вас своими глупостями столько драгоценного времени!

Видимо, редакторша поняла, что перегнула палку.

– Оля, ну зачем ты сразу так? Если я тебя обидела – извини: я же не тебя конкретно имела в виду! Я только хотела сказать, что, когда у тебя за спиной огромный коллектив, ты не можешь расслабиться ни на секунду. Вечный напряг, вечные стрессы, себе уже не принадлежишь, поневоле становишься другим человеком…

– Это заметно. В чем же состоит твое конкретное предложение? Я тебя слушаю.

– Не знаю, ты в курсе или нет: я возглавляю еще ассоциацию свободных журналистов «Вольное перо». Стас Уткин был моими заместителем, и мы, коллеги, конечно, не можем оставаться равнодушными к его смерти. Что бы ни произошло в воскресенье на его даче – несчастный случай или преступление, – мы хотим выяснить правду. А на милицию, сама понимаешь, надежда слабая: заказные убийства журналистов она «любит» как собака палку. Достаточно вспомнить хотя бы Листьева или Холодова. Мы послали официальный запрос от имени ассоциации на имя начальника УВД области и губернатора, но до сих пор ответов нет. Никаких интервью и пресс-конференций, вообще никакой внятной информации по делу Уткина! Но даже когда она появится, эта информация, – мы не сможем быть уверены, что на следствие не оказывалось давление и что оно, в свою очередь, не повлияло на выводы компетентных органов. Ты меня понимаешь, Ольга?

– Чай, не высшая математика: понимаю! Но предложения я пока не услышала.

– Я хотела бы, чтоб вы с Полиной провели свое, независимое расследование. Можешь считать этот разговор официальным предложением от имени ассоциации «Вольное перо». Конечно, мы могли бы обратиться в какое-нибудь

частное сыскное агентство, но в этом случае не избежать огласки, а она крайне нежелательна. Зачем мне лишние вопросы из нашего «белого дома», неприятности с министерством и губернатором? А если личностью Стаса, его обстоятельствами и связями заинтересуются две очаровательные девушки, безутешные поклонницы таланта, это ни у кого не вызовет подозрений. К тому же, если не ошибаюсь, у вас есть доступ и к закрытым каналам информации, так ведь? Муж Полины, майор Овсянников из УВД…

– Бывший муж, – поправила я.

До чего же гладко все выходит у этой дамочки! Я не уставала поражаться, как деловито, чтоб не сказать цинично, рассуждает Арбатова о смерти своего коллеги – «отличного журналиста, талантливого ведущего и просто славного малого».

– Хорошо, пусть бывший, неважно. Цивилизованные люди всегда поддерживают отношения с бывшими мужьями, не так ли?

Таково мое предложение, Ольга. Сколько тебе потребуется времени, чтобы обдумать ответ?

– Ну-у, даже не знаю! – Я совсем не по-деловому растерялась. – Мне надо все обдумать, с сестрой посоветоваться…

– Само собой. Да! Совсем забыла о главном, извини. А еще называю себя деловой женщиной… Разумеется, я предлагаю поработать не за «спасибо». Ассоциация «Вольное перо» – не ахти какой богатей, но все-таки юридическое лицо с собственным банковским счетом. Сумму вашего гонорара мы можем обсудить отдельно. У вас с Полиной есть посуточная такса для таких случаев?

– Посуточная… что?

– Ей-богу, Ольга, ты как только что на свет народилась! Сколько вы берете в сутки за услуги, когда ведете расследование?

– Ах, вот ты про что…

Я окончательно смутилась и смешалась, не зная, сколько заломить с Арбатовой, и в то же время стыдясь, что приходится говорить на такую щекотливую тему.

– Нет, никакой таксы у нас нет. Что касается игры в сыщиков, то на этом «поле» мы с сестренкой не деловые женщины, а любители. Дилетанты! Может быть, именно поэтому у нас с ней кое-что получается там, где пасуют профессионалы.

– Все ясно. Значит, поскольку все зависит от степени сложности дела и щедрости клиента, я вправе внести свои предложения.

Таня Арбатова задумалась, но лишь на несколько мгновений.

– Как ты посмотришь на такой вариант? Некоторое время назад Стас Уткин получил грант одной международной ассоциации журналистов-правоведов. Не то чтоб куча денег, но все-таки сумма: десять тысяч долларов. Половину из них он пожертвовал нашему «Вольному перу». Я думаю, если эти пять тысяч баксов будут потрачены на расследование обстоятельств смерти Стаса, никто не скажет, что это несправедливо. Таким образом, по две с половиной тысячи вам с Полиной плюс накладные расходы, если таковые возникнут.

Редакторша сделала паузу, ожидая моей реакции, но таковой не последовало.

– Ты меня слышишь, Ольга? Когда можно рассчитывать на ответ?

По две с половиной тыщи долларов! Я крепко вцепилась потными пальцами в трубку, чтобы она не вывалилась из рук.

– Когда?! Да прямо сейчас! Мы согласны.

– А с Полиной посоветоваться? – напомнила клиентка.

– Нет нужды. Это можно сделать в рабочем порядке.

– Вот и о'кей. Я вижу, ты тоже становишься деловой женщиной! – усмехнулась Татьяна Михайловна. – Если мы в принципе договорились, то подъезжай ко мне прямо сейчас. Подпишем договор.

Я приехала в редакцию «Тарасовских вестей» не «прямо сейчас», а часа через полтора, но договор с Таней Арбатовой мы все-таки подписали. И даже, сидя в итальянских кожаных креслах, выпили за успех предприятия великолепного французского коньяка из каких-то серебряных наперстков. Вальяжная Татьяна Михайловна тоже была выдержана вся в итальяно-французском стиле: костюмчик на ней был от Версаче, а макияж и ароматы – от «Ив Роше». И вообще: если б не доска с лучшими материалами недели в коридоре возле двери приемной – я подумала бы, что нахожусь в роскошном офисе какого-нибудь банка или той же торгово-промышленной палаты, но никак не в редакции газеты!

Под конец «уединенции» Арбатова несколько испортила мне настроение, продемонстрировав запись, которую вчера сделал автоответчик. При первых звуках хриплого блатного голоса, по которым даже родная мама Ираида Сергеевна не признала бы свою дочку, из желудка поднялась к горлу мерзкая тошнота, а в глазах потемнело.

– Татьяна Мих-ална, это я! – возвестил этот анонимный голос. – Я думаю, тебе кое-что известно о смерти Стаса Уткина, а? Умоляю, позвони мне как можно скорее, не то дело кончится еще одним трупом!

И все! Ни имени, ни номера телефона – ничего…

Разгоряченная выпивкой, Танечка весело хохотала, пока я, пунцовая как вареный рак, бормотала извинения.

– Можешь себе представить физиономию моей Верочки, когда она вбежала ко мне с этой записью? Да я и сама в первый миг подумала, что это попытка шантажа, на худой конец – чей-то глупый розыгрыш. И только потом, прослушав второй раз, признала твой голос и смогла убедить Веру, что мне ничто не угрожает. Наверное, бедняжка до сих пор глотает успокоительные таблетки!

Не знаю, как насчет таблеток, но на меня редакторская секретарша и в самом деле поглядывала как-то странно. Покидая этот «золотой прииск», который сулил нам с сестрой целую кучу долларов, я постаралась прошмыгнуть мимо Верочки незаметно, как мышка. И уже через двадцать минут ввалилась в тренерскую, где за столом с умным видом и сигаретой в руке восседала Полина, а перед ней лежала та самая газета «Тарасов» с нашумевшей статьей, которую

мне только что вручила Арбатова…

Конечно же, ничего лишнего я сестренке не выболтала. Собственно, за последние сутки, в течение которых мы с Полиной не общались, все было «лишним» – все, кроме пяти тысяч долларов. Но если б она только узнала, что я за ее спиной уже подписала договор, а с ней собиралась посоветоваться «в рабочем порядке»…

Поэтому я просто села на стул и сказала:

– Полина, ты помнишь, что Татьяна Арбатова когда-то была моей клиенткой? Теперь она редакторша «Тарасовских вестей».

– Ну! Говорят, редкостная стерва.

– Вот ты так всегда! Сразу – «стерва»… А в общем-то, спорить с тобой по этому вопросу мне трудно, да и не хочется. Не в том дело. Дело в том, что Арбатова снова хочет стать моей клиенткой. Нашей то есть.

– Опять с очередным мужем разводится, что ли? – ехидно ввернула Поля.

– Ну что ты! Сейчас она свободная женщина. Насколько мне известно, состоит в особо теплых отношениях с Виктором Сальниковым, крупным чиновником из нашего «белого дома». Я видела их вместе на том самом крутом приеме, где я была недавно с Кириллом – помнишь? Но дело, опять-таки, не в этом.

Татьяна хочет, чтобы мы с тобой выяснили, что там стряслось с Уткиным. За это она обещает…

Я выдержала эффектную паузу и назвала сумму. Эффекта не получилось: Полина окинула меня насмешливым взглядом и покачала головой.

– Так я и думала: ты просто выпила лишнего. Пять «штук» баксов за этого… «барабанщика» – курам на смех!

Почему не десять? Не двадцать? Фантазии не хватило, сестренка?

Я мужественно заставила себя остаться спокойной.

– По-твоему, я это все сама придумала, да?

– Ну, может, не сама. Дрюня Мурашов помог.

– Полина! – Я взглянула прямо в глаза сестре. – Я, между прочим, уже договор подписала. Не хотела пока тебе говорить, но раз такое дело…

– Что?! Что ты подписала?!

Я внутренне подобралась, приготовившись к самому худшему.

– Ну, трудовое соглашение. В случае предоставления гражданкой Снегиревой О.А. определенных «информационных услуг» ассоциации свободных журналистов «Вольное перо» означенная ассоциация обязуется выплатить упомянутой гражданке пять тысяч долларов США. Сумма прописью, подпись, печать – все как положено.

Полина вскочила с места и уставилась на меня так, что, если б глазами можно было убивать, я уже корчилась бы, пришпиленная к спинке стула двумя раскаленными стрелами. Но у меня богатый опыт выживания в экстремальных ситуациях! Бормоча себе под нос проклятия, сестрица дрожащей рукой вышибла из пачки еще одну сигарету, чиркнула зажигалкой. Однако закурить ей удалось лишь с третьей или четвертой попытки.

– Ольга, твоя… безответственность меня поражает! Нет, она меня просто потрясает! Да как ты могла…

От потрясения Полина то и дело давилась дымом, отплевывалась и кашляла.

– Я спрашиваю, как ты могла ввязаться в такую авантюру? Как могла подписывать какие-то сомнительные бумаги, не посоветовавшись предварительно со мной? Да как ты вообще могла на такое согласиться?! Это же… это же…

– Удачная сделка – вот что это такое! И ты, Поля, бесишься сейчас только потому, что оторвать жирного клиента удалось мне, а не тебе. Согласись: пять тысяч долларов на дороге не валяются!

Я примирительно улыбнулась, давая понять, что эта сумма очень легко делится на два. По-моему, зеленоватый призрак далекого, но вполне реального гонорара немного смягчил Полину: ее глаза стали просто сердитыми, но уже не свирепыми.

– Да я разве что говорю? Пять тыщ баксов – солидный куш, но ведь его надо еще…

– Кто тут говорит про пять тыщ баксов? – раздался у меня за спиной до боли знакомый голосок.

Прежде чем мы одновременно повернули головы на его звук, я успела перехватить страдальческий взгляд сестры – и сама воздела глаза к небу: се ля ви, как говорят французы! Зоя Николаева – это серьезно.

– А-а, Оленька, ты здесь? Привет, привет! А я иду и слышу – Поля с кем-то разговаривает… Так что у вас тут за счеты, девочки? Кто кому должен пять тысяч?

– Главное, Зоинька, – что никто из нас не должен их тебе! – отрезала Полина Андреевна.

Я всегда восхищалась ее умением разговаривать с невозможной начальницей, в словаре которой начисто отсутствует слово «такт».

– Привет, Зоя Вячеславовна. Это я тут Поле рассказываю, что Козаков, мой бывший муж, подумывает взять ссуду в банке, а она говорит, что…

– А я говорю, что не мое это дело – в такие дела путаться! – рявкнула сестрица, останавливая тяжелый взгляд на Зоинькиной переносице.

– Это пять тысяч-то? Оленька, не смеши меня! Это в наши дни и не сумма вовсе. Одни бумажки оформлять замучаешься, а отдачи никакой… А под какой

процент, ты не знаешь?

Полина решительно протянула мне мою сумку, стоящую на краю стола.

– Оля, тебе пора. Ты ведь хотела еще навестить ребят у мамы, да?

– Сейчас?!. Ах, ну да. Да, конечно!

Ехать к Ираиде Сергеевне в столь ответственный момент, когда решается судьба гонорара, не входило в мои планы. Но раз так надо…

– Ну вот: к пяти как раз успеешь вернуться домой. Не вздумай ничего предпринимать и никуда исчезать. Закончим разговор!

В смутном настроении я вышла из спорткомплекса на залитую зноем полуденную улицу. С одной стороны, «консультации» прошли лучше, чем можно было ожидать: Полина Андреевна не швырялась стульями и даже не ломала сигареты в пепельнице. Может, просто потому, что не успела… Впервые за все время моего знакомства с Зоей Вячеславовной Николаевой я чувствовала к ней нечто вроде благодарности: спасла меня от неадекватной реакции дорогой сестренки! С другой стороны, обещанное окончание разговора вызывало неприятные ощущения под ложечкой. А что если Полина наотрез откажется работать? Как я тогда буду выглядеть перед Арбатовой?! Да и перед своими кредиторами, кстати, тоже – это ведь Поля еще про них не знает…

Боже мой, какая жара! Собравшись с духом, я добежала до угла, где торчали несколько зонтиков уличного кафе, и, купив запотевшую банку «фанты», спряталась под тентом. Передо мной во всей своей суровой реальности встал вечный и главный вопрос российской интеллигенции: что делать?

А что если и в самом деле навестить детишек? Отсюда до остановки троллейбуса, который привезет меня прямиком к мамочкиному дому, пять минут ходу – надо только повернуть направо. Я ведь и правда жутко соскучилась по Лизоньке и Артуру: не видела их с самой субботы! Дочка приболела, и мы не рискнули везти ее на дачу. А с понедельника закрутились такие дела, что мне сразу стало не до материнских обязанностей. К тому же, Полина недвусмысленно предупредила, чтоб я ничего не предпринимала. Так, может, употребить вынужденный тайм-аут на общение с семьей?

Но ведь, если я там появлюсь, Ираида Сергеевна наверняка попытается сбагрить внуков: роль любящей бабушки она воспринимает как неизбежное, но всегда временное зло. А малыши сейчас свяжут меня по рукам и ногам, какое уж тогда расследование…

Я вынырнула из-под зонтика и… бодро повернула влево

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nikol-skaya_natal-ya/gazetnaya-utka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити